

Татьяна Каппа

Возвращение

Детектив

18+

Истории Антонины Найденовой

Татьяна Каппа
Истории А. Найденовой.
15. Возвращение

<https://litres.ru/74284778>

SelfPub; 2026

Аннотация

После событий в альпийском шале и разгадки его тайн Тоня возвращается из Германии в Москву. Но ее путь лежит дальше – в Сибирь, где она надеется найти таинственный «схрон» Генриха Осиповича. Сначала обстоятельства заставляют ее задержаться в Москве, а потом выгоняют из города. Ее путешествие начинается совсем не так, как она планировала и опаснее, чем предполагала.

Содержание

Встреча	4
Клиника неврозов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Татьяна Каппа

Истории А. Найденовой.

15. Возвращение

Встреча

Наум встречал Тоню в аэропорту Шереметьево. В длинном черном пальто, в руке – маленький букетик фиалок.

«Эстет и позер», – с неожиданной злостью подумала она. Злость пришла еще в самолете, когда мысли о поисках клада в Сибири перешли к повседневным заботам.

Она подошла.

– С приездом! – он протянул фиалки и наклонился поцеловать ее. Она отвернула голову, подставив щеку.

– А что же ты сам не приехал?

– Мы с Бычковым запустили новый проект...

Тоня поднесла фиалки к лицу, чтобы скрыть набежавшие слезы.

– Чем пахнут?

– Несбывшимися надеждами.

– Что-то ты не в настроении.

– Устала. Мы как – на автобусе?

– Такси ждет.

Всю дорогу он говорил, не переставая. Как будто боялся ее вопросов. А она ничего не спрашивала. Она отвыкла от него. И чувствовала, что и он от нее отвык. И сейчас старается своими поспешными рассказами это скрыть.

– Мы запустили новый проект. В типографии по моему эскизу напечатали коробки для конфет. Понимаешь – это не просто коробки! Икона, как будто на липовой доске... С ковчегом, со шпонками... Всё, как настоящее. Только картонное. Внутри – конфеты или шоколадка.

– А коробку потом куда?

– Повесить на стену, – оживился Наум. – Можно без оклада, а можно сделать или купить оклад.

Тоня вспомнила что-то подобное из недавно прочитанной книги модного литератора: «...митрополит московский жаловался губернатору... кощунство... пресекать строжайше...»

Но промолчала, только вздохнула: «Он ведь тоже читал».

– Как соседи? – спросила она.

– Живут. Я теперь там же. В Наташиной комнате. От нее из Германии нет никаких вестей. Свою квартиру сдаю. А... на деньги от твоей квартиры мы начали это дело...

– На мои деньги? – повернулась к нему Тоня.

– Я планировал быстро вернуть.

– И что?

– Верну.

– Понятно, – отвернувшись к окну Тоня, чтобы скрыть слезы. «Подумает еще, что мне денег жалко!»

– Капитолина и Светка у нас в торговых агентах. Кузя тоже.

– У нас... – передразнила его Тоня. – Бизнесмены. А я в Германии долги закрыла. Все.

– Я тоже дело создал, – упрямо повторил он.

– Создал? – посмотрела она на него. – Ты сделал полдела! Их еще продать надо! Ты уже знаешь, куда?

– Да везде возьмут... – испугался он ее крика. – Вон торговые агенты уже ходят.

– Вот я как раз про это, – с ледяным спокойствием сказала Тоня. Водитель бросил на нее взгляд в зеркало.

Наум пожал плечами: «Женщина».

Машина остановилась.

– Ты иди. Бычков дома. Я за хлебом.

Попугай сидел на кухне в клетке, что-то грыз.

– Привет, Ара! – Тоня подошла к клетке. Ара глянул на нее одним глазом, отвернулся и стал чистить перья.

– Это как понимать? Он меня забыл?

– Обиделся. У этих попугаев память хорошая, и обиды долго помнят, – сказал Бычков.

– Я его не обижала.

– Иногда не замечаешь, как обидишь... а «заноза» остается.

Тоня постояла у клетки Ары, пытаясь вспомнить... Не смогла. А он так и не повернулся.

Она огляделась. В углу кухни стояли упаковки в коричневой бумаге. В распечатанных золотом отсвечивали иконы.

– Значит, Наум теперь здесь живет, свою квартиру сдает?

– Нет у него квартиры, – хмуро сказал Бычков. – Взял кредит под нее. На «дело», сказал. И в Индию полетел.

– В Индию? Зачем?

– Фильм снимать решил. Про каких-то хин... хин-джир...

– Хиджру.

– А хрен ее знает. Наверное. Он даже сценарий написал и полетел эти... «локации» смотреть. В итоге деньги кончились. Вернулся. Тебе сари привез.

– Зачем мне сари?

– Не знаю. Да его всё равно украли. Он хотел, чтобы ты в фильме снялась.

– Хиджру, что ли сыграла? – зло засмеялась Тоня.

– Нет. Как будто русская танцовщица приезжает в Индию. Ну и там какой-то балет ставит. Слушай, не спрашивай! Я уже забыл, про что там.

– А хиджры при чем?

– Не знаю. Квартиру банк за неуплату отобрал.

– Как?!

– Так, – развел руками Бычков.

– В Индию летал, развлекался! А я?.. – опять занервничала Тоня. – Только о себе думает.

– Ну как? Вон в фильме тебя хотел снять.

– А-а! – Тоня махнула рукой и заплакала. Бычков вздохнул, вышел и вскоре вернулся с толстой тетрадью.

– Вот, возьми!

– Что это? – глянула она сквозь слезы.

– Сценарий про этих... хи-иждр.

– Зачем он мне? Это же Наума.

– Он уже про него забыл. А тебе, может, пригодится. Ты всё до конца доводишь.

Бычков неловко вздохнул и погладил ее по голове:

– Не плачь. Всё у тебя будет хорошо.

– А, ладно... – Тоня вытерла слезы. – Где я буду жить?

– В Наташкиной комнате. Пойдем, покажу.

– Сама.

– Как хочешь, – Бычков ушел к себе.

Тоня прошла в комнату, переоделась, умылась.

Вернулся Наум. Позвал ее пить чай. Пили молча. Бычков не вышел. Когда вернулись в комнату, он спросил:

– Какие у тебя планы?

– Хочу в себя прийти.

– Я помогу.

– Надо было раньше помогать, – она посмотрела на него,

и глаза опять наполнились слезами.

– Я же дело новое затевал.

– Дело! Дело! Дело! – сорвалась она. – Для кого это дело? Для чего? Жизнь проходит в твоих начинаниях! Я устала! Мы – не семья! Ты прекрасно обходишься без меня. Я уезжаю.

– Куда? Где жить будешь? Деньги есть?

– Это всё, что ты можешь сказать? – задохнулась она.

– Я говорю тебе правду. Пусть она и жестоко звучат. Тебе лечиться надо. Ты же всё время плачешь! Нервы полечить...

– У Матвея Марковича?

– Он умер. Инфаркт.

– Не знала.

– Есть знакомый врач в клинике неврозов. Хороший. Попробуй сначала, потом решишь.

– У меня нет денег. Вы же мои деньги на свои иконки спустили.

– На лечение хватит. Согласна?

– Хоть сейчас. Не хочу с тобой в одной комнате находиться. Пока буду в клинике – оформляй развод. Я не передумаю. Иди, звони.

Она отвернулась к окну. Прислушалась. Сейчас подойдет, развернет к себе, обнимет...

Наум вышел из комнаты. Вот и всё.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

– Я договорился, – вернувшись, сообщил он. – Можно

ехать. Ты готова?

Тоня вытерла слезы и повернулась к нему.

– Готова.

– Какие у вас здесь все молодые да красивые! – заметил Наум, заходя к врачу после его разговора с Тоней. – Неужели это – больные? Сейчас в холле видел одну: глазищи, ресницы наклеенные, накладные ногти... всё дорогое...

– Есть у нас такая, – усмехнулся врач. – Всё есть... а спать не может. Вообще не спит. Тяжелая инсомния.

– Да уж... – покачал он головой. – А что с Тоней?

– Неврастения. Истощение нервной системы. Отсутствии отдыха, частые стрессы. Что у нее в Германии было?

– Да ничего особенного. Я уехал. Но у нее там всё было спокойно. А она раздражается, кричит, плачет...

– У нее, кстати, сильный тип нервной системы. Раздражительная слабость – вторая фаза неврастении. Пациенты легко возбуждаются и кричат, потом такая реакция сменяется чувством бессилия и обиды, часто переходит в плач.

– Вот-вот...

– Она почти ничего не рассказала о своей жизни в Германии. Только я понял, что ей там жилось не сладко и не так уж и спокойно. Что же ты оставил ее одну? Ей нужна опора и надежная рука.

– Я не оставлял. Я же тебе объяснял, – начал раздражаться Наум. – Там у меня не всё получилось. Я уехал, чтобы создать дело здесь. Чтобы жизнь была интересной.

– Интересной для тебя? А она в это время полы мыла?

– Интересной для нас. А полы – это был ее выбор. Могла там жить и другой жизнью.

– Уехали вместе, так вместе надо было и держаться до конца.

– В бедности? На социале? Унизительно! – поморщился Наум. – И хватит об этом. Лучше скажи, она поправится?

– Пусть побудет у меня месяц. Думаю, восстановим. Она просила, чтобы ты пока не приходил. Только бумаги подписать. Что за бумаги?

– О разводе.

– Есть что делить?

– Ты знаешь, – Наум задумчиво поднял брови и объявил, как о своем открытии: – А ведь у нас ничего нет.

– Вас надо внести в книгу Гинесса! – усмехнулся врач. – Сейчас, когда разводятся или умирают, такой дележ идет: квартиры, дачи, поместья, машины, деньги, бриллианты...

– Нечего делить. Ничего нет. Даже инсомнии...

– Ну, это-то дело – наживное.

– Я за наживой не гонюсь, – усмехнулся Наум. Встал, протянул руку, прощаясь, и вдруг сказал:

– Когда умру, у меня и могилы не будет. И это будет логичным завершением.

В коммуналке продолжала работать фирма «Наум&Бычков». Сами упаковывали шоколад в коробки с иконками, запечатывали в пластик. Агенты весь день бегали по городу, «торговали». Вечером возвращались – усталые и голодные.

Сейчас Капитолина со Светкой вернулись злые.

– Что, опять поцапались? – спросил Бычков.

– Да нет, – вяло отмахнулась Капитолина. – Ни одной не продали.

– В Храме везде торговля идет, – возмущенно стала рассказывать Светка. – А наши запрещают! Спрашивают, можно ли молиться перед такой иконой?

– Я к батюшке подошла, – продолжила Капитолина. – А он: «Богохульство! Неудобно!» Я у него спрашиваю: «Кому неудобно?» – «Богу!» – так и говорит от его имени. Видно, посоветовался с божьей канцелярией! Я ему говорю, вы сообщите туда, что это – не дизайн! Это икона, написанная талантливой художницей, качественно сделанная и с любовью... «Не освящена!», говорит. – «Так освяти и пусть молятся!» – «Нет!» – кричит: «Богохульство!»

Светка достала из холодильника салат, и они вдвоем стали есть его прямо из миски. Когда прикончили, пришел Кузя.

– А у тебя как?

– Плохо. Я по магазинам прошел – берут по паре штук. Неохотно. А в «Алых парусах» – вообще: плати за «вход на полку». Деньги-то немалые! Эта плата за «представление полки в сети» и, якобы, эта плата должна послужить страховкой на случай, если товар не будет продаваться. Какой-то беспредел!

– Кош-шмар-р! – закричал попугай.

– Кошмар... – устало согласились агенты и посмотрели на Наума.

– Ну! Что делать будем, шеф?

– Я бы поел, – сказал он. – Салатика там у вас не осталось?

Клиника неврозов

В клинике Тоня плакала.

Сначала – при оформлении. Все данные о себе, которые она называла, звучали почему-то унижительно. Осознание себя больной в психушке пришло так ясно, что тут же полились слезы.

– Ну и чего плакать-то? – посмотрела на нее медсестра. Не сочувственно, а с раздражением. – Я бы тоже здесь полежала. Отдохнула. Да работать надо. У меня таких денег нет.

В палате Тоня легла на кровать, отвернулась к стене. И опять плакала. Откуда столько слез... После уколов и таблеток она спала.

Однажды утром ее разбудило солнце. Луч пробился сквозь щель в шторе и лег прямо на лицо.

В палату заглянула уборщица.

– Я быстренько помою?

Тоня кивнула.

Женщина раздернула шторы, открыла форточку. В палату ворвались свет, свежий воздух, птичий щебет.

– Весна... Так легко дышится. Как будто праздник наступил! – оглянулась она на Тоню. Тоня кивнула.

Женщина вытянула из ведра швабру. Запахло хлоркой.

На линолеуме появились мокрые полосы.

Белые стены, запах хлорки... И маленькая Тоська ждет маму в длинном больничном коридоре. Она должна к ней обязательно прийти после работы. Мама работает в главном корпусе больницы. А она лежит в инфекционном, где ей делают уколы большим шприцем. «Сыворотка из-под простокваши», повторяет она скороговорку вслед за мамой. Ей одиноко и страшно в больнице, и она ждет маму. Мама – это ее весь мир! И защита от другого, чужого мира. Вот идет чужая женщина в белом халате. У нее строгое лицо. Она будет делать ей укол. Но уже в конце коридора Тоська видит маму, усталую, после работы. Бежит к ней, утыкается в мягкий живот: «Забери меня!»

Как же хочется сейчас так же – уткнуться и сказать: «Забери меня!» Только нет уже ни мамы, ни папы. Некого просить. Поменяться бы с этой уборщицей местами, чтобы пришло радостное ощущение весны, праздника, будущего счастья! Всё бы отдала за это. «А у тебя есть, что отдать?»

После завтрака она вышла в холл. Ей хотелось отвлечься, посмотреть фильм на русском языке. Телевизор не работал, тускло отсвечивал серый экран.

В кресле у окна под искусственной пальмой одиноко сидела женщина, задумчиво опустив глаза на раскрытую толстую тетрадь, лежащую у нее на коленях.

– Вы не против, если я включу телевизор? – обратилась

к ней Тоня.

Женщина повернула к ней голову.

У нее были огромные, прозрачные от слез глаза. Глубокие, будто без дна. Слезы не выливались, а, казалось, уходили вглубь.

– А меня сегодня выписывают, – сказала она. Голос ее был спокойный. – Я сейчас думала... что делать с тетрадью... Доктор заставил меня написать про мою жизнь. У него такой метод лечения. Тебе он еще не выдал «амбарную книгу»? – она кивнула на тетрадь в голубой картонной обложке.

– Нет.

– Выдаст. Доктор считает, что это помогает. Он задал мне вопрос: какую бы точку в своей жизни я бы выбрала, чтобы начать всё сначала...

Женщина усмехнулась.

– Сначала я выбрала замужество. Потом – до встречи с мужем. Потом – еще раньше... И всё отматывала назад... До самого рождения.

Она помолчала.

– А потом подумала... Нет. Еще раньше. До зачатия. Лучше бы меня вообще не было.

– У вас есть дети?

– Есть. Сын.

– А как же он? Этими мыслями вы его предаете.

Женщина пожала плечами.

– Раньше я так думала... Сейчас думаю, что это и для него

было бы лучше.

Она помолчала.

– Я тетрадь сожгу.

– Нина! – позвала из двери медсестра. – Иди, собирайся.

За тобой пришли.

– Муж? – спросила Тоня.

– Нет, не муж. Его больше нет, – странно посмотрела на нее Нина.

– Нет?

– Я его убила, – спокойно сказала она. Тоня не сразу поняла:

– Как?

– Так.

Нина опустила глаза. Помолчала.

– Я думала – станет легче... Сначала... да. Свобода. Тишина.

Она посмотрела перед собой.

– А потом – нет. Плохо... – тихо сказала и продолжила: – Он тогда подошел... обнять... руки протянул... А я его... оттолкнула. Я себя ненавижу...

Нина взглянула на Тоню с таким отчаянием, что та поспешила успокоить ее:

– Но ведь, наверное, вы в этот момент были на него за что-то обижены?..

– Да я даже не помню за что! – крикнула Нина. Замолчала, словно пытаюсь вспомнить. Потом покачала головой и

сказала уже спокойно:

– Наверное... Только эта обида уже забылась... А то, что оттолкнула! Больно вспоминать. Без него плохо... Исчезла планета, в тепле которой я жила...

Тоня молчала.

– Как страшно, что ничего нельзя исправить, – сказала Нина, глядя в пространство перед собой.

Медсестра снова показалась в дверях.

– Нина!

– А? Иду...

Она встала. Подошла к Тоне.

– Давай прощаться.

Они обнялись, как близкие люди. Постояли, тесно прижавшись друг у другу, и Нина ушла.

Тоня села в кресло перед неработающим телевизором. Сидела, смотрела на свое отражение в экране, как на замерший кадр фильма.

Следующий...

Он потянулся поцеловать, а она отвернулась... Жестокий и некрасивый кадр. Она отвела взгляд, посмотрела в окно.

«Он ведь хочет жизнь сделать интересной... Сценарий написал для меня... Русская танцовщица приезжает в Индию, ставит балет...»

Она снова взглянула на экран... Увидела себя танцующей...

«А что... Я бы смогла... Фантазер... Ну не получилось...

Но он хотя бы пытался... И с иконками... Ведь гениальная идея... Одни глупцы кругом... Или, как говорит Наум, – मुदाки!»

Она поморщилась.

– Больная, врач ждет! – заглянув в холл, ворчливо напомнила ей медсестра.

– Вы не пробовали писать? – спросил врач. – Вы очень образно о своей жизни рассказываете. Попробуйте. Это помогает – снимает напряжение.

– Сублимация по Фрейду? – понимающе кивнула Тоня. – Метод лечения?

– Да.

Он подвинул к ней толстую тетрадь в голубой обложке. Сверху лежали ручки.

– Пишите. Вы тратите много сил, чтобы заставить себя не вспоминать. Попробуйте наоборот – выпустить это.

– Воспоминания бывают тяжелы. А уж описывать их...

– А не надо писать всё «как было», – хитро посмотрел на нее врач. – Пишите не биографию, а делайте из биографии литературу. Помните, как у Льва Кассиля: «Не биография делает человека, а человек – биографию»? С биографией рождаются только наследные принцы. Вы ведь не наследная принцесса?

– «Нет, – смущенно смеялся Карасик», – процитировала Тоня и скептически опустила уголки губ. – Выдумывать про себя?

– Если хотите вылечить, – убежденно сказал врач и добавил: – По Фрейду!

– Попробую, – Тоня взяла тетрадь, встала. Пошла к двери.

– Сейчас у вас процедура... – напомнил врач.

Она остановилась в дверях, хотела спросить про Нину... Но не стала: он не скажет, врачебная тайна... Поэтому только кивнула и вышла.

Спросила у медсестры в процедурной.

– Нина сказала, что убила своего мужа. Это правда?

Медсестра махнула рукой:

– Да нет. Он от инсульта... Врач сказал, что у нее тяжелое чувство вины. Невротическое, сказал. Она думает, что это она его убила.

Медсестра помолчала и добавила:

– Вот ведь как бывает... Не дай Бог!

Тоня молча вышла из процедурной. Пошла в палату.

Сзади раздался голос:

– Ты куда? К себе?

Она оглянулась. За ней шла молодая женщина с аккуратной стрижкой, в розовом шелковом халатике.

– К себе.

– Я с тобой? Не помешаю?

– Нет.

Они вошли в палату.

– Твоя? – женщина кивнула на Тонину постель, прошла вперед, уселась и похлопала рядом с собой рукой:

– Садись!

Потянулась, вытянув ноги перед собой.

Тоня подошла, села рядом, положила тетрадь на колени, разглядела ее красивые туфли из розового атласа с оторочкой из лебяжьего пуха.

– Что это за тетрадь? – спросила женщина и, не дожидаясь ответа, заговорила сама:

– А я сюда каждый месяц на профилактику ложусь. От скуки, – она опустила ноги на пол. – У меня квартира огромная... Ходишь – и только свои шаги: «Тук-тук... тук-тук...»

Она постучала каблукками.

– Представляю...

– Подруги? У всех свои дела. Раньше я им помогала... связи были... – она оживилась. – Вот помню... Лерка Бескова на свадьбу... Знаешь ее? Жена Кости Бескова...

«Подруга? Жена Бескова? Это же...» – Тоня вспомнила знаменитого футболиста.

– ... пригласила девчонок из ансамбля Моисеева и футболистов «Динамо»...

«Сколько же ей лет?» – незаметно разглядела ее Тоня.

– И вот такие красавцы и красавицы собрались за столом! Около меня сидел такой шикарный парень! О-о!.. А с другой стороны от него – «моисеевка»! Так он головой покрутил

и знаешь кого выбрал? Меня! – она захлопала в ладоши. – Представляешь?

– Представляю...

– Девочки-и, на уколы! – заглянула медсестра.

– Опять? Только были...

– Римма! – шутливо-укоризненно сказала медсестра.

– Идем!

Они поднялись с кровати, пошли за ней.

– Ну что, заговорила тебя Римма? Она любит поговорить. Скучно ей. Хорошая баба, – сказал медсестра, когда Римма ушла. – Родственники выгоняют ее из «цекашной» квартиры. Дожила... Ни детей, ни семьи... Вот они и держат ее здесь, лечат. Даже палату отдельную снимают. Еду из ресторана носят.

– А мне она показалась молодой.

– Не, не молодая. Операций понаделала. Всё молодилась. Не знаешь ее? Она же дочь... – медсестра наклонилась к уху Тони и прошептала фамилию. – Жаль ее. Не вредная. Добрая. Икру ей носят банками. Принесут – так она всё отделение угощает! Тортами – тоже...

– Я бы дал написанному вами название: «Бегство от себя». У вас каждый значительный эпизод заканчивается отъездом.

В этот раз бегства не будет?

– Не знаю.

Врач внимательно посмотрел на Тоню, подвинул по столу еще одну тетрадь.

– У вас есть писательский талант. Пишите. Путешествуйте по памяти.

– Хорошо. Я попробую.

К концу месяца вторая тетрадь была готова.

– Вот вы и закончили свое путешествие по памяти! – прочитав, сказал он. – Начали с Сибири и завершили встречей с сибирским прошлым.

– Доктор, мне уже лучше. Когда меня выпишут?

– На днях.

Он помедлил:

– Да и вот еще. Наум принес бумаги для развода. Надо подписать.

Тоня проглядела их, подписала.

– Это всё?

– Нет. Вот еще. Передача от него.

Она заглянула в пакет: круассаны... банка черной икры.

Тоня невольно улыбнулась...

Вернувшись в палату, она угостила «передачкой» соседок.

Она уже немного знала их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.